

Ирина Головачева

Новый человек как монстр евгенического воображения:

МОЗГ ПРЕСТУПНИКА В «СОБАЧЬЕМ СЕРДЦЕ»
М. БУЛГАКОВА И «ФРАНКЕНШТЕЙНЕ» ДЖ. УЭЙЛА

Irina Golovacheva

The New Man as a Monster of Eugenic Imagination: The Criminal Brain
in Bulgakov's *Heart of a Dog* and James Whale's *Frankenstein*

Ирина Головачева (СПбГУ, профессор факультета свободных искусств и наук; доктор филологических наук) igolovacheva@gmail.com.

Irina Golovacheva (Dr. Habil.; professor of Faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint Petersburg State University) igolovacheva@gmail.com.

Ключевые слова: евгеника, ломброзианство, ламаркизм, монстроведение, Булгаков, американский кинематограф начала 1930-х годов

Key words: eugenics, Lombroso's theory, Lamarckism, monster theory, Bulgakov, American film of the early 1930s

УДК: 573.01+821.161.1+791.43/.45
DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_61

UDC: 573.01+821.161.1+791.43/.45
DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_61

В статье рассматривается то, как идея сотворения «нового человека» путем изменения человеческой природы, ставшая популярной во всем мире в 1920—1930-х годах, отразилась в двух произведениях: киноленте Джеймса Уэйла «Франкенштейн» и повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Эти тексты сопоставлены не только в связи с объединяющей их темой вышедших из-под контроля сотворенных чудовищ, но и потому, что предлагают сходные «дистегенические» объяснения поведения персонажей: этих новых людей роднит специфика мозга, обусловившая их чудовищность. Оба сюжета проливают свет на специфические для той эпохи опасения, проявившиеся в евгенических спорах по вопросам биологии, медицины, педагогики, социологии и криминальной психиатрии.

This article examines the way, in which the idea of making a new man by changing human nature, globally accentuated in the 1920—1930s, was reflected in two works produced at the time: in James Whale's cinematic blockbuster *Frankenstein* and Mikhail Bulgakov's novella *Heart of a Dog*. The two works are placed together because, besides employing the common theme of out-of-control monsters, they provide a similar “dysgenic” explanation of their behavior: the brains of these characters are abnormal. The comparison of the two plots highlights the specific fears and dominating challenges of the decades marked by eugenic battles at the crossroads of biology, medicine, pedagogics, sociology, and forensic psychiatry.

В работах о Михаиле Булгакове нередко встречается удивительный тезис о сходстве героя «Собачьего сердца» (1925) профессора Преображенского с Виктором Франкенштейном, персонажем знаменитого романа Мэри Шелли 1818 года¹. Однако, в отличие от Виктора Франкенштейна, герой Булгакова, хирург-экспериментатор, вовсе не преследовал цели создать новую человеческую особь. Не собиравшись он и создавать межвидовую помесь (crossbreed). Мы не найдем в булгаковском тексте указаний на научную гордыню и манию, подобную той, что изображена у Шелли или в романе Герберта Уэллса «Остров доктора Моро» («The Island

1 Критику этой необоснованной интерпретации см., например, в: [Яблоков 2010; 2014; Burgin 1978].

of Doctor Moreau», 1895). Профессор Преображенский не наследовал уэллсовскому герою, а пес Шарик не «бежал из лаборатории Моро», чтобы оказаться в квартире на Пречистенке, как об этом пишет Ренате Лахманн [Лахманн 2009: 142].

Образность повести Булгакова будет сопоставлена ниже не с романом Шелли, а с его вольной американской киноверсией — с «Франкенштейном» Джеймса Уэйла («Frankenstein», 1931). «Собачье сердце» и англо-американская кинокартина будут прочитаны как комментарии их авторов к популярным социобиологическим идеям двух первых десятилетий XX века. Сюжеты этих текстов объединяет не только то, что Шариков и чудовище Генри Франкенштейна (в фильме изменено имя героя-медика) «сшиты» из разных материалов. Этим новым людям роднит еще и специфика мозга, обусловившая их чудовищность.

Мозг Шарикова

Как известно, цель опыта, проведенного героем повести Булгакова Филиппом Филипповичем Преображенским, состояла в омоложении, для чего собаке Шарик были пересажены придаток мозга (гипофиз) и половые железы². Не случайно, что именно гипофиз, центральный орган эндокринной системы человека, высший регулятор гормонального обмена, выбран писателем в качестве исполнителя главной роли в развитии фантастического сюжета. Доминантная роль гипофиза в произведении на свет дефективного существа («the unfit», как таких людей называли западные евгенисты) не вызывает ни малейших сомнений у Преображенского, специалиста в области стремительно развивавшейся в те годы области медицинской науки — эндокринологии. Однако необходимо отметить, что вживленный гипофиз, разумеется, не есть замена целого мозга и сознание целиком определять не может. Этот придаток мозга использован в тексте как метафора мозга в целом: «Это в миниатюре сам мозг» [Булгаков 1989: 194]³. Кроме того, мозг выступает в повести совокупным носителем всей наследственности. Не затрагивая тему омоложения в повести ввиду ее достаточной освещенности [Krementsov 2014], обратимся непосредственно к невероятному результату опыта и его осмыслению Преображенским в свете современных ему базисных нарративов (master narratives) — евгенического, антропологического и биокриминального, которые нередко объединялись общим представлением о вырождении⁴.

Рассуждая о сути экспериментов Преображенского, напомним о медицинских аллюзиях этой «священнической» фамилии, которые, как известно, отсылают к нескольким знакомым писателю светилам медицины того времени: к киевским соседям, дружившим с семьей Булгаковых, — профессору Н.М. Покровскому (дяде писателя) и Н.П. Воскресенскому, а также к Н.Ф. Богоявленскому, который успешно оперировал на гипофизе⁵. Думается, что не менее оче-

2 О теме омоложения в «Собачьем сердце» см.: [Howell 2006; Krementsov 2014: 127–159].

3 Далее все ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием номера страницы. — *Примеч. ред.*

4 О дегенерации как о прочной составляющей российского культурного, в основном литературного, дискурса см.: [Николози 2019].

5 Подробнее об этих и других медиках, оказавших влияние на Булгакова, см.: [Виленский 2005; Лихтенштейн 2009]. Я выражаю искреннюю признательность Исанне Лихтенштейн и булгаковеду Ларисе Фиалковой за вдумчивое прочтение и обсуждение моего доклада, легшего в основу данной статьи.

видна и другая («священническая») аллюзия — к евгенисту С.А. Преображенскому, опубликовавшему, в частности, статью с характерным заголовком «Хирургическая профилактика вырождения» [Преображенский 1912]. Можно также предположить, что выбор имени и отчества героя Булгакова с отчетливой аллитерацией («Филипп Филиппович») «подсказан» созвучной фамилией известного евгениста Ю.А. Филипченко, возглавлявшего Бюро по евгенике в Петрограде. Филипченко опубликовал в 1924 году работу с характерным названием «Пути улучшения человеческого рода (Евгеника)» [Филипченко 1924], а год спустя — статью «Интеллигенция и таланты» [Филипченко 1925], доказывающую особую ценность интеллигенции как наследственной носительницы лучших качеств. Появление повести Булгакова, основу которой составляет именно классово-евгенический нарратив, стало специфической реакцией писателя на современные научные дебаты.

Писатель, несомненно, был в курсе проблематики наследственности и знал о ее роли в формировании облика и личности человека — эти вопросы широко обсуждали антропологи, физиологи, психологи, социологи, медики и педагоги. Знал он и о современных спорах, касающихся наследования приобретенных признаков. Публикации, затрагивающие не только медицинскую тематику, но и проблемы биологии, а также социобиологии, появлялись на страницах «Врачебной газеты», которую Булгаков продолжал выписывать и в 1920-е годы, когда евгеника и связанное с ней «евгеническое мировоззрение» укрепились в ментальности образованных классов в России, подобно тому как это произошло на Западе.

Булгаковский профессор, будучи передовым медиком-экспериментатором, причисляет себя к евгенистам, уточняя, что цель его работы — «улучшение человеческой породы» (с. 194). Произнося (там же) слово «евгеника», он понимает его максимально широко, то есть как научное мировоззрение, сложившееся еще в конце предшествовавшего столетия и включающее в себя представления о проявлениях наследственности у отдельного человека и популяции и о соответствующих мерах, призванных побороть вырождение и создать более совершенного человека. По существу, вся передовая медицина той эпохи вписывалась в рамки широко понимаемого евгенического эксперимента⁶.

Фантастическая эксцентричность первоначальных физических и поведенческих феноменов нового невиданного существа (собако-человека) вскоре трансформируется в неприятно знакомые облик и поведение деклассированного субъекта. Булгаков предъявляет читателю не столько фантастическую метаморфозу, сколько медико-биологическую загадку. Что такое этот новый человек? Непредумысленный эффект от опыта на мозге заставляет Филиппа Филипповича профессионально подойти к case study и выяснить, почему бывший Шарик оказывается именно люмпеном и алкоголиком и по какой причине выказывает склонности к насилию и воровству. Филипп Филиппович осмысляет природу нового индивидуума отнюдь не по Дарвину, не эволюционно (от низшего существа к высшему), то есть не так, как как предлагает Борменталь, фиксирующий в тетради собственную восторженную реакцию. В отличие от Борменталья, напрасно размышляющего над историей болезни реципиента, профессор «сидит над историей» (там же) донора. Научно убедительной, с точки зрения Преображенского, оказывается лишь *генеалогическая трактовка*.

---

6 О русской дореволюционной евгенике и медицине см.: [Krementsov 2015].

В результате размышлений о медицинских, антропологических данных, а также личностных характеристиках Чугункина, донора, сопоставив его эпикриз с анатомическими и психологическими особенностями Шарикова, Преображенский заключает, что их данные почти идентичны. Шариков: «Производит впечатление маленького и плохо сложенного мужчины» (с. 162); Клим Чугункин: «Маленького роста, плохо сложен. Печень расширена (алкоголь)» (с. 165). Получившийся новый субъект и есть реинкарнация Чугункина, который при прежнем режиме провел бы на каторге много лет, а при нынешнем «происхождение спасло... условно каторга 15 лет» (там же). Его поведение и криминальные наклонности, по всей видимости, полностью «унаследованы» Шариковым: «Вот что-с: две судимости, алкоголизм, “все поделить”, шапка и два червонца пропали» (с. 194). Итак, в квартире на Пречистенке получился и поселился хронический алкоголик и вор-рецидивист.

Нетрудно заметить, что именно диагностический нарратив устанавливает логическую (хоть и невероятную) связь между наблюдаемыми психофизическими характеристиками этого нового человека, с одной стороны, и известными современными научными концепциями — с другой. Характерно, что профессор рассуждает так, как будто все признаки этого *homo sapiens* являются унаследованными.

Шариков предстает в повести не только как движитель событий, но и как *case*, напрямую касающийся «отягощенной наследственности» и так называемого преступного мозга. В период с конца XIX века и вплоть до 1930-х годов Чугункин и Шариков были бы квалифицированы многими медиками и юристами как «наследственные преступники» (*hereditary criminals*), что обусловлено той специфической смесью теории вырождения и криминальной антропологии, которая была характерна еще для позднеероссийских антропологов и в особенности психиатров, например для П.И. Ковалевского, который с 1883 года издавал первый русский психиатрический журнал «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», а также для В.Ф. Чижа, Д.А. Дриля и др.⁷ В некоторых «судебно-психиатрических анализах» Ковалевского встречаются пассажи о здоровом/инвалидном мозге [Ковалевский 1881: 93]. Последний, по его мнению, «расположен» ко всевозможным поведенческим девиациям. В 1908 году на открытии Психоневрологического института будущий классик мировой неврологии В.М. Бехтерев заявил, что в некоторых случаях в преступной личности явно присутствует наследственное отклонение от нормы [Бехтерев 1908]. Психиатры и антропологи изучали роль наследственных болезней мозга и в таких «социальных болезнях», как алкоголизм и преступность⁸.

Алкоголизм как проявление «отягощенной наследственности» Шарикова акцентирован в повести не раз. Не случайно первым отчетливо произнесенным им словом стала «пив-ная» (с. 161). В сцене обеда, во время которого профессор замечает, что Шариков в последнее время «слишком налегает на водку», упомянута и неожиданная, но в данном контексте объяснимая деталь: заклеенный буфет (с. 181). Как обычно в таких случаях, приходится прятать от Шарикова штоф с водкой.

7 Также см.: [Дриль 1882; Ковалевский 1903; Люблинский 1912; Укше 1915; Чиж 1893; 1894; 1895]. О роли Ковалевского в становлении и развитии русской криминальной антропологии см.: [МакРейнольдс 2017].

8 На тему наследственного алкоголизма написано немало евристических работ. См., например: [Ковалевский 1894; Кольцов 1916а; 1916б; Осипов 1925; Сажин 1908].

Судебно-психиатрическая тематика была неплохо знакома Михаилу Булгакову, так как программа его обучения медицине в Киеве включала два специальных курса: «Судебная медицина» и «Судебно-медицинская казуистика живого человека с клиникою» [Виленский 2005: 47]. Учились тогда по книгам В.Ф. Чижа «Учебник по психиатрии» [Чиж 1902; 1911] и «Лекции по судебной психологии» [Чиж 1890]. Интерес к психиатрии у писателя в дальнейшем не иссяк, о чем свидетельствуют, например, главы 5, 6, 8, 11, 13, 15, 30 и эпилог романа «Мастер и Маргарита». Но и в «Собачем сердце» пунктирно намечены возможности особого психиатрического подхода к диагностированию странного пациента. Подход этот не реализован вследствие иной специализации двух медиков: «А впрочем, я не психиатр, черт меня возьми», — записывает Борменталь (там же).

Одной из отличительных особенностей ранней советской криминологии была ее «биологизация». Криминологи склонялись к тому, чтобы обнаруживать причины неустранимой и при новом строе преступности не столько в социальной принадлежности преступников, сколько в их биологии и антропологических характеристиках. Этот путь концептуализации был продиктован не только общемировой научной модой. В самом деле, большевики склонялись к тому, чтобы именно в социальном и даже биологическом наследии прежнего режима видеть истоки многих колоссальных проблем молодой страны, и в особенности беспрецедентного роста преступности. Создавая будущее, большевистская власть осознавала, что строить его должны «люди будущего», то есть такое «коммунистическое человечество», которое выработано «из коммунистического человечества капиталистической эпохи» [Бухарин 1989: 168], а это, в свою очередь, требовало «радикальной переработки застывшего хомо сапиенса» [Троцкий 1923: 196—197]. Самый известный из советских евгенистов, Н.К. Кольцов, надеялся, что «люди, неспособные к восприятию современных знаний и современной культуры, мало-помалу уступят место представителям более совершенного по устройству мозга типу»⁹.

Поддерживаемые большевистской властью профессионалы — психиатры, психологи, криминологи, антропологи и юристы — искали способы стабилизации и декриминализации, подбирали меры физического, психического и нравственного оздоровления генофонда, ослабленного населения, катастрофически сократившегося в результате войн, голода и разрухи.

В начале 1920-х годов на Пречистенке, в том самом районе, где Булгаков поселил героев «Собачьего сердца», произошли важные перемены: Пречистенская городская психиатрическая больница была сначала преобразована в специальное психиатрическое отделение для тех, кто содержался в московских местах заключения, а затем (в 1922 году) переименована в Институт судебно-психиатрической экспертизы им. В.П. Сербского. В задачи института, среди прочего, входило выяснение наследственных факторов преступления, что соответствовало общей тенденции в психиатрической криминологии: в середине 1920-х годов по всей Советской России возникли специальные кабинеты по изучению преступника и преступности (криминологические кабинеты), где проводились антропологические обследования, включавшие в том числе оценку конституции, анализ волос, зубов, ногтей, дактилоскопию. Составлялся

9 Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы: Речь в годичном заседании Русского евгенического общества 20 октября 1921 года. Цит. по: [Бабков 2008: 90].

«криминально-антропологический профиль» и так называемый семейный лист со сведениями о профессии, семейном положении преступника и о биографиях всех родственников. Исследовались алкогольная зависимость, интеллектуальные способности и моральные представления. Кабинеты публиковали отчеты с обоснованием необходимости углубленного и широкого антропологического и психиатрического обследования людей, чьи правонарушения, как полагали ученые, свидетельствовали о «биологической недостаточности» личности преступников¹⁰.

В отличие от западных коллег, многие из которых открыто поддерживали так называемые негативно-евгенические меры, лишь несколько советских евгенистов были настолько увлечены идеей очищения зародышевой плазмы от дегенерирующего наследия, что рассматривали возможность устранять «криминальные элементы» путем целенаправленного манипулирования наследственными параметрами, в том числе стерилизацией проблемных групп населения. Так, Б.И. Слозцов пропагандировал увеличение «положительной» (качественной) детности и стерилизацию «подонков общества», выступая таким образом в духе американской индианской (Indiana) идеи [Слозцов 1923]. М.В. Волоцкой, находивший в преступной личности такое же отклонение от нормы, как и в «уроде», сетовал на то, что идея стерилизации всегда встречала противодействие со стороны государственной власти, и также ратовал за метод половой стерилизации, то есть за то, чтобы приносить личные интересы дегенерического индивида в жертву интересам общества [Волоцкой 1923]. Эти евгенисты, предоставив им государство такую возможность, «форсировали бы вопрос», «вместо того чтобы идти ощупью и параллельно с природой» (с. 193). В противовес им антрополог В.В. Бунак категорически отрицал наличие особого «гена преступности», в то же время признавая роль наследственных задатков в формировании преступника, а также в некоторых физических особенностях отдельных категорий [Бунак 1927].

Но обратимся к нашему конкретному case study. Итак, Шариков, являющийся одновременно гротескным и типичным, — индивидум, в котором с каждым днем все очевиднее проступает облик и поведение Клима Чугункина. Дикарство Шарикова не следствие жизни в джунглях (как у Маугли), многолетнего обитания в лесах и горах, а, судя по данным, итог дурной «наследственности», результат бытования Клима Чугункина на дне социума в большом частично разоренном мегаполисе. Миру явлен, в сущности, дикий человек, чьи первобытные инстинкты являются не следствием сочетания с собачьей (животной) натурой, а результатом «наследования» приобретенных атавистических признаков¹¹. Как известно, Чезаре Ломброзо, обосновывая концепцию атавизма, фактически приравнивал преступника к дикарю, полагая, что склонность к преступлению — это следствие врожденной дегенеративной (дикарской) физической конституции. Шариков — типичный ломброзианский человек-варвар

10 Один из самых известных судебных психиатров, Е.К. Краснушкин, работавший в Институте судебно-психиатрической экспертизы им. В.П. Сербского, доказывал, что преступник представляет собой биологически неполноценную личность [Краснушкин 1924; 1926]. Об этой главе истории отечественной криминологии см.: [Иванов, Ильина 1991].

11 О сближении психической теории вырождения с криминально-антропологической теорией атавизма см.: [Николози 2019: 299—371].

с соответствующими кранеологическими характеристиками: «Лоб поражал своею малой вышиной. Почти непосредственно над черными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щетка» (с. 167). Дикарство Шарикова неоднократно отмечается в повести. Особо комично тема дикарства звучит в обмене репликами Преображенского и Шарикова: «— Дикарь! — Какой я дикарь? — хмуро отозвался Шариков, — ничего я не дикарь» (с. 179).

С позиции ломброзианства объяснимо и то, что новообразовавшемуся дикарю не только передалась форма, но и «привился» примитивный габитус Чугункина: Шариков пребывает либо в отупении, либо в крайнем возбуждении, он больше всего расположен к праздности, у него имеются когнитивные проблемы, например неразвитая theory of mind, то есть он не понимает психического состояния, эмоций и намерений другого. Его отличает бессознательная избыточная жестокость (как минимум по отношению к котам) и неспособность к целеполаганию. Образ Шарикова создан Булгаковым как идеальная семиотическая система означающего и означаемого [Могильнер 2017]: внешние признаки атавизма (облик Шарикова) полностью коррелируют с его внутренним дегенеративным состоянием.

Атавистические коннотации в повести Булгакова отсылают читателя к актуальному контексту — к моде на ломброзианство, которое, казалось, кануло в прошлое, но могло быть востребовано в связи с очередными попытками обнаружить биологическую природу преступности. В качестве характерного примера приведем высказывание судебно-медицинского эксперта А.И. Крюкова из его краниометрической статьи «О дегенерации черепа у самоубийц», опубликованной в сборнике Наркомздрава за 1925 год, в которой он, апеллируя к авторитету Ломброзо и ссылаясь, в частности, на работы П.Н. Тарновской, исследовавшей стигмату дегенерации у женщин-убийц, воровок и проституток, объясняет:

Я... стараюсь указать на особенно часто встречающуюся дегенерацию черепа у самоубийц, а также других лиц с неправильною психическою деятельностью, как то: душевных больных, денегератов, преступников, проституток и др. [Крюков 1925: 19]¹².

Следует отметить, что Крюков и Тарновская — это те немногие исследователи, которые продолжали оперировать ломброзианскими понятиями, в то время как большинство отечественных ученых давно отбросили тезисы Ломброзо как несостоятельные.

Не будем все же забывать о том, что Шариков не потомок Чугункина. Под скальпелем Преображенского «зародилось» существо, гипофиз которого после имплантации стремительно развернул и реализовал все характеристики донора (Чугункина). Мы уже говорили о роли гипофиза, железы внутренней секреции, определяющей облик и поведение реципиента как «порождающего механизма». Эндокринология тех лет, как известно, также включилась в дебаты о наследственности. Многослойный, но поразительно сбалансированный текст

12 В 1920-е годы было множество противников неоломброзианства. Так, например, В.В. Бунак утверждал, что возможность определить психический склад человека (например, преступника) по строению мозга и черепа чрезвычайно мала. Ученый надеялся, что пониманию истоков преступности будет способствовать «биологическое семействедение» [Бунак 1927].

повести Булгакова апеллирует сразу к нескольким научным парадигмам, что позволяет читателю рассматривать невероятную историю с гипофизом/мозгом в широком диапазоне современных дискурсов наследственности, атавизма, эндокринологии и социальности. Не случайны в повести Булгакова и ламаркистские коннотации.

В 1920-е отнюдь не все евгенисты были менделистами: были и те, кто полагал возможной передачу по наследству приобретенных под влиянием среды признаков¹³. Так, евгенист марксистского лагеря Михаил Волоцкой считал, что у человека (как вида) можно сформировать новые признаки под влиянием новой среды [Волоцкой 1923]. В повести Булгакова, который, судя по всему, скептически относился к данной теории, читателю представлена возможность вообразить гипотетических потомков Шарикова, которым, в свою очередь, передадутся его признаки, вероятно, унаследованные от Чугункина: слабый интеллект, склонность к бесцельным и навязчивым действиям, неконтролируемая сексуальность и криминальные наклонности. Эпизод с появлением «барышни в кремовых чулочках», машинистки подотдела очистки, с которой Шариков собирается расписаться и поселиться в приемной профессора, потеснив Борменталья, дает нам основание полагать, что вероятность размножения героя-дегенерата весьма высока. Такого рода перспективы любой евгенист считал бы нежелательными.

Повесть, среди прочего, содержит и отсылки к коррекционной педагогике в целом и к методу формирования рефлексов (поведенческих реакций) в частности. Великий физиолог И.П. Павлов, как известно, ставивший эксперименты по формированию условных рефлексов у собак, не только изучал механизм закрепления поведенческих реакций, но и стремился прояснить возможность наследования скорректированного поведения у людей. Именно в этом, с точки зрения ученого и поддерживающих его большевистских функционеров, состояла главная ценность таких экспериментов для проекта нового человека.

У читателя нет никаких оснований считать, что коррекция поведения «новой человеческой единицы» (с. 164), Шарикова, с помощью бихевиористских методик, павловского формирования рефлексов или коммунистической «перековки» может быть сколько-либо успешной. Попытки поведенческого тренинга и воспитания Полиграфа Полиграфовича с целью развить его «в очень высокую психическую личность» (с. 165) могут прочитываться как травестия раннесоветских педагогических экспериментов. На риторический вопрос Преображенского, удастся ли «из этого хулигана сделать человека» (с. 192), следует безапелляционный ответ: «Это никому не удастся. Кончено. Можете и не спрашивать. <...> Финита. Клим!» (с. 193).

Шариков — типичная жертва трехкомпонентной судьбы, сложившейся из наследственности, социальной принадлежности и постреволюционной эпохи. Сочетая в себе эти три патологизирующих фактора, новое существо представляет собой «сферу вырождения», которая в результате дерзкого эксперимента вторгается в квартиру-лабораторию Преображенского, гаранта здравого смысла и нравственности. Профессор и его ассистент, казалось бы, надежно защищенные от разрухи в квартире, прежде являвшейся пространством нормы, собственноручно «впускают» в нее дегенерата, несущего лишь хаос. Не менее значи-

13 О спорах вокруг наследования приобретенных признаков в Советской России см.: [Adams 1990; Krementsov 2018: 308–320].

мый источник хаоса обнаруживается и в противоречии между желанием Филиппа Филипповича законсервировать привычный образ жизни, с одной стороны, и его революционными, устремленными в будущее экспериментами, — с другой.

Большевицкие власти, как известно, усмотрели в «Собачем сердце» критический комментарий писателя об утвердившемся советском режиме. Это справедливо. Булгаков скептически относился к тому, как решались не только политические и хозяйственные, но и медико-криминологические проблемы молодой страны, что легко прочитывается между строк повести. В связи с тем, что близость художественного эксперимента Булгакова к реальным опытам, производимым медиками-экспериментаторами и педагогами, легко опознавалась современниками, «Собачье сердце» должно было прочитываться как остроактуальное высказывание и не могло не вызвать неудовольствия большевиков, курировавших данные области теоретических знаний и практик.

Эпилог «Собачьего сердца» предъявляет читателю концентрированный криминально-биологический нарратив. Знаменательно уже само по себе сочетание *dramatis personae*: медики, пациент, уголовная милиция и следователь. Не случайна и ломброзианская реплика профессора Преображенского, обращенная к следователю и разъясняющая биологический (атавистический) статус его удивительного подопечного: «Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние. Атавизм!» (с. 207). Булгаков инсценировал и трагестивировал «торжество ломброзианства», наглядно продемонстрировав дегенерацию как обратную эволюцию к «первобытному состоянию». Посетителям квартиры предъявлен якобы пропавший, а на самом деле умерщвленный и вновь оживленный Шариков, почти на наших глазах деградирующий из *недо-в нечеловеческое* состояние. Данный сюжетно-образный кульбит стал одной из ярчайших литературных демонстраций богатых возможностей «нарратива о прирожденном преступнике» [Николози 2017: 364]. Преображенский и Борменталь предъявляют милиции, домоуправлению и следователю жуткое животное, способное лишь к рудиментарному речепорождению и немедленно опознанное как «бывший» Шариков, что и приводит к благополучному закрытию уголовного дела. В сущности, «старый/новый» пес Шарик, в конце концов «обращенный» в первоначальное нормальное состояние, символизирует успешно (оперативно) решенную евгеническую задачу: этот «пациент» больше не представляет опасности для рода человеческого.

Заключительный внутренний монолог собаки позволяет читателю воспринять фантастико-криминальную авантюру как дурной сон, а пионерский опыт сотворения нового человека с новым мозгом — как опасную иллюзию. Прогресс оказывается мнимым, сотворенная особь — тупиковой. Преображенский отрешивается от идеи создания нового человека с новым мозгом, ведь первое и последнее полученное в результате его хирургических манипуляций создание оказалось бытовым монстром, «хамом и свиньей» (с. 194). Подзаголовок повести, «Чудовищная история», с полным на то основанием может прочитываться как «история чудовища».

Мозг чудовища Генри Франкенштейна

В 1931 году, через шесть лет после создания «Собачьего сердца», англичанин Джеймс Уэйл, приглашенный американской студией «Universal», выпустил киноленту «Франкенштейн», весьма вольную интерпретацию оригинального сюжета Мэри Шелли¹⁴. Наследие английской романистки, пионера научной фантастики, в ленте «Франкенштейн» просматривается не только в очевидном заимствовании сюжета о создании искусственного человека из мертвой плоти, но и в том, что данный кинообраз, как некогда и герой романа Шелли, прочитывался современниками как метафора угрозы, а выражение «создать монстра Франкенштейна» («to create a Frankenstein monster») стало клише уже в 1820-е годы, отсылая, в частности, к Французской революции, и широко использовалось в политической риторике¹⁵.

Родство дискурсов трансплантации в «Собачьем сердце» и ленте Уэйла «Франкенштейн» очевидно: мозг мертвеца в обоих сюжетах оказывается в чужом теле: не столь существенно, в какое именно тело его вживляют — в тело собаки или в трупа, шитого из многих трупов. Показывая перебинтованную голову еще не оживленного чудовища своему помощнику Фрицу, Генри Франкенштейн восклицает: «Украденный тобой мозг, Фриц. Подумай о нем! Мозг мертвеца, которому предстоит ожить в теле, созданном моими собственными руками — моими собственными руками...»

В рецензии, появившейся в «Hollywood Reporter» вскоре после выхода ленты на экраны, говорится: «Франкенштейна, молодого студента-медика, интересуют тайна жизни и тайна плодородия, причины, по которым один сын — это честный и порядочный человек, а его родной брат — преступник, быть может убийца»¹⁶. Как видим, рецензент усмотрел в этом кинотексте тему наследственности. Он прав: под влиянием популярной социобиологической риторики тех лет режиссер трансформировал образ монстра таким образом, чтобы его поведение объяснялось дурной наследственностью того донора, от которого взят мозг. По сюжету, Франкенштейн посылает своего помощника Фрица, карлика-горбуна, на медицинский факультет, чтобы тот добыл идеальный мозг для операции. Однако Фриц приносит ему мозг преступника, несмотря на то что на банке с препаратом было четко обозначено: *criminal brain*.

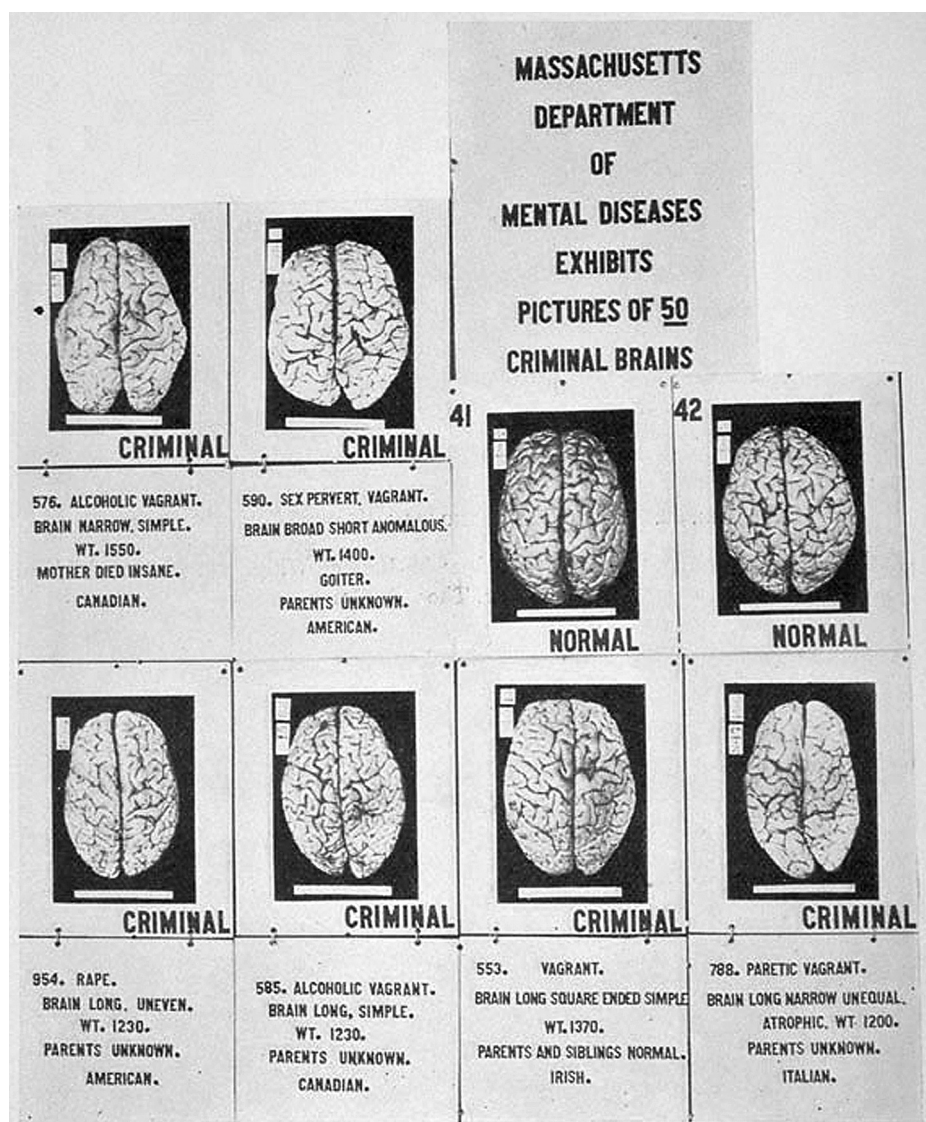
Надо отметить, что в 1921 году, за десять лет до выхода картины на экраны, Соединенные Штаты познакомились со знаменитым плакатом, изданным Массачусетским департаментом душевных болезней, который организовал показ фотографий мозгов пятидесяти преступников, пропагандируя достижения криминологической психиатрии в частности и евгенического движения в целом (ил. 1).

---

14 О переводе романа Шелли на язык кино см.: [Grant 1994; Heffernan 1997; Picart 1998].

15 См.: [Botting 1991]. Монстр в фильме Уэйла не случайно костюмирован как разнорабочий. См. об этом: [Mulvey-Roberts 2018; Wood 2018]. Ср. с образом Шарикова, который несет и «классовую» смысловую нагрузку, символизируя «восстание масс» и последствия не только медицинских опытов, но и власти примитивных (атавистических) субъектов.

16 Чит. по: The Hollywood Reporter's original review, headlined "Frankenstein 100% Shocker — Old Horror Tale Full of Thrills" (<https://www.hollywoodreporter.com/news/frankenstein-thrs-1931-review-749292> (дата обращения: 24.05.2022)).

Ил. 1. Плакат медицинской выставки, посвященной «мозгу преступника». Массачусетс, 1921. Снимок предоставлен Eugenics Archive

Режиссер картины, делавший предварительные зарисовки, и главный художник по гриму студии «Universal» Джек Пирс были единомышленны в решении сделать такого киномонстра, который бы выглядел именно как недочеловек, а не как пришелец из иных миров. Сценарий, написанный Гарретом Фортм и Фрэнсисом Фордом Фарагоу, в свою очередь содержит следующий важный комментарий: «Монстр ходит не как робот, а как заблудившееся животное» [Scal 2000: 132].

Фильм Джеймса Уэйла приобрел кардинально новые коннотации по сравнению с романом Шелли. Биологизировав классический сюжет английского романа, Уэйл добился современного звучания, сделал из истории Чудовища «актуальное искусство». Заметим, что именно эта киноверсия и последующая

кинофраншиза сделала из образа Чудовища Франкенштейна поп-идола, объект массовой культуры. Значение нарратива о трансплантации мозга для киносюжета о судьбе нового человека и его создателя, Генри Франкенштейна, игнорировать невозможно¹⁷.

Не указанные в титрах Роберт Флори и Джон Рассел добавили в сценарий важный эпизод, в котором профессор Уолдман во время лекции по патолого-анатомии, прочитанной в евристическом ключе, что было тогда повсеместной практикой, демонстрирует внимательным студентам, одетым по моде начала 1930-х годов, труп и анатомические препараты, обращая внимание на «на немногочисленность извилин фронтальной лобной доли по сравнению с извилинами нормального мозга, а также... на выраженную дегенерацию средней части лобной доли». Следует отметить, что действительно именно лобные доли в основном отвечают за когнитивные навыки, и потому то поведение, которое в дальнейшем будет демонстрировать Чудовище, вполне отвечает заданным в данном эпизоде анатомическим характеристикам¹⁸.

Ил. 2. Кадр из фильма «Франкенштейн» (1931). Кинокомпания Universal Pictures.

Режиссер Джеймс Уэйл; сценаристы Гаррет Форт, Фрэнсис Фараго при участии Роберта Флори и Джона Расселла; продюсер Карл Леммле — мл.; композитор Бернхард Каун; оператор Артур Эдисон; художник Чарльз Д. Холл; художник по гриму Джек Пирс. В роли Монстра Борис Карлофф

Сценаристы и режиссер придали особое значение лекционному эпизоду. Они не ограничились показом атавистической краниологии (строения черепа) Монстра, но усугубили «дегенеративную» трактовку героя демонстрацией строения его будущего патологического мозга. В основе данного сюжетного хода и образности лежит френология, сторонники которой, начиная с Франца Йозефа Галля (1758—1828), утверждали наличие связи между строением черепа и особенностями коры головного мозга. Художник по гриму Пирс, описывая, как шла его работа над образом Чудовища Франкенштейна, особо подчеркивает: «До того, как приступить к эскизам, я три месяца изучал анатомию, хирургию, историю криминалистики, криминологию, древние и новые погребальные обряды и электродинамику» (цит. по: [Smith 2011: 66]). Книжки, проштудированные Пирсом, несомненно имели френологическую и евристическую направленность. Ито-

говый грим Бориса Карлоффа (ил. 2) выдает знакомство Пирса с антропометрическими карточками Ломброзо или Фрэнсиса Гальтона и Чарльза Да-

17 Первый в кинематографе сюжет о трансплантированном мозге появился в короткой ленте «Человек-обезьяна» («L'Homme-singe», 1909) Жоржа Монка, в которой человек с пересаженным от обезьяны мозгом начинает вести себя как обезьяна. См.: [Vidal 2016].

18 О влиянии неоломброзианства на фильм Уэйла см., например: [Rafter, Brown 2011: 28—46].

венпорта. Скорее всего, Пирсу также пригодилась известная книга «Преступник» («The Criminal», 1890) Хэвелока Эллиса, где также много говорится о значении формы черепа, состояний извилин, формы лба, носа и ушей и даже о преобладании бледности лица у преступников. Так, в параграфе, посвященном краниологии, читаем: «Дефект низкого и плоского свода черепа обнаруживается у преступников и характерен для дегенерации» [Ellis 1890: 49]; «Скошенный внутрь лоб, очень часто наблюдаемый у преступников, всегда считался свидетельством низкой умственной и нравственной организации» [Ibid.: 51].

Эллис особо выделяет «малый размер», а также «скудость» извилин в мозгах преступников по сравнению с мозгом нормального человека [Ibid.: 61—62]. Предъявленные Уолдманом препараты отсылают в том числе и к вышеупомянутому массачусетскому плакату с изображением мозгов преступников (см. *ил. 1*). Таким образом, опираясь на эти материалы, Пирс мог наметить не только краниологические особенности персонажа, но основные черты анатомии его мозга, которые, как ему представлялось, не только были важны для создания сенсационного центрального персонажа фильма ужасов, но и соотносились с научными представлениями об облике преступника-дегенерата.

Художник вспоминает, что, решив подчеркнуть атавистические признаки Чудовища, он придал ему «черты первобытного человека, неандертальца, дабы подчеркнуть его низкий интеллект, сделав, в частности, надбровные дуги выступающими, как у обезьяны» [Smith 2011: 66]. С той же целью он визуально удлинил руки и ноги персонажа и придал им несколько деформированный вид, «как у горилл»: «Ведь предполагалось, что тело составлено из частей трупов казненных преступников» [Ibid.]. Таким образом, Пирс следовал одной из евгенических максим, согласно которой слабоумие зачастую проявляется одновременно в телесных деформациях и преступных наклонностях. Известно, что на заключительном этапе работы над гримом Монстра Пирс сделал его лицо бледным, возможно, руководствуясь вычитанным у Эллиса: «Большинство авторов, пишущих о преступности, отмечают бледность кожи» [Ellis 1890: 71]. Борис Карлофф, в свою очередь, вспоминал:

Я осознал, что глаза [персонажа] слишком блестят, как будто светятся разумом, а ведь было важно изобразить его тупую сосредоточенность на самом себе. И тогда я наложил воск на веки, утяжелив их таким образом, чтобы они лишь слегка открывались [Manguel 1997: 20].

Таким образом, очевидно, что и сюжет фильма, и его сенсационная визуальность, ставшие результатом совместной работы режиссера, художника по гриму и актера, были призваны создать убедительный дискурс дегенерации в «Франкенштейне».

Однако именно «мозговой» поворот сюжета и предшествовавшие ему «научно-просветительские» комментарии профессора Уолдмана должны были сделать поступки Монстра объяснимыми с точки зрения современных биокримнологических представлений о преступном мозге (см.: [Davenport 1928; Gould 1981; Rafter et al. 2016: 21—130]). Ломброзианская медиализация преступника, остававшаяся популярной евгенической идеей и в 1920—1930-е годы, как видим, нашла отражение в кинематографическом чудовище особого типа — дегенерате.

Удивительно, что, несмотря на предположительно глубокие познания в анатомии, Генри Франкенштейн не заметил того, что принесенный ему Фрицем мозг имеет явные признаки патологии. И все же то, что можно квалифицировать как сюжетную оплошность, помогло обосновать психофизиологию персонажа. Любопытно, что создатель нового человека (возможно, в силу охватившей его мании) явно недооценивает степень возможного влияния анатомии мозга на сознание, как следует из следующего диалога:

Уолдман: «...Очнитесь и посмотрите правде в глаза! Перед нами демон, чей мозг...»
 Генри: «Мозгу требуется время, чтобы развиваться. Это совершенно нормальный мозг, доктор. Вам ли не знать?! Он из Вашей лаборатории!»
 Уолдман: «Мозг, похищенный из моей лаборатории, — это мозг преступника!»
 Генри [изображая испуг]: «Ну, что же... в конце концов, это всего лишь кусок мертвой ткани...»

Данный эпизод заканчивается появлением Монстра, который вступает в кадр задом наперед, что на первый взгляд должно всего лишь свидетельствовать о детской неловкости его первых шагов. Однако эта утрированная экстравагантность — придуманное Уэйлом «попятное» движение героя — стала превосходной находкой, символизирующей «обратимость» эволюции, дегенерацию homo sapiens. Дальнейшее развертывание сюжета призвано убедить зрителя в том, что агрессивное поведение сложносочиненного Чудовища — результат врожденной мозговой аномалии, а значит, его преступления совершены не столько под влиянием среды, сколько в результате плохой наследственности. Когда Уолдман настоятельно советует Генри уничтожить «дикое животное», тот восклицает: «Это же убийство!» (сравним с репликой профессора Преображенского: «На преступление не идите никогда...»; с. 195), однако затем Франкенштейн предоставляет старшему коллеге возможность сделать грязную работу по уничтожению чудовища самому. Впоследствии, после череды убийств, совершенных созданным им новым человеком, Франкенштейн присоединяется к его преследователям¹⁹.

Монстр Генри Франкенштейна и Шариков должны были без особого труда ассоциироваться современниками с теми, кого западная евгеника относила к «генетическим неудачникам», а советская — к «морально-дефективным». Как и «Собачье сердце», «Франкенштейн» 1931 года не ограничивается лишь отсылками к ломброзианству, но учитывает и социобиологические теории преступности. *Nurture* (наряду с *nature*) отнюдь не проигнорирована у Булгакова и Уэйла: Швондер с домкомом в «Собачьем сердце» и антагонистический внешний мир, окружающий чудовище в ленте Уэйла, разумеется, сыграли свою роль в судьбах новоявленных созданий. Но если вина Генри Франкенштейна (как и его литературного прототипа, героя Мэри Шелли) заключается в том, что он был плохим родителем, не позаботившимся о собственном творении, то профессора Преображенского и доктора Борменталья в пренебреже-

19 Монстр Франкенштейна не единственный дегенеративный персонаж киноленты 1931 года. Хромой горбун Фриц, Квазимодо с выпученными глазами, также демонстрирует классический ломброзианский набор атавистических признаков. Им движут примитивные инстинкты, он мстительный садист. Как и Монстр, Фриц демонстрирует стигматы вырождения: примитивность и недоразвитие, когнитивные и коммуникативные проблемы.

нии воспитанием нового человека обвинять не приходится. Они приложили максимум педагогических усилий, чтобы адаптировать нового человека к основным социальным нормам.

И все же отдадим должное Джеймсу Уэйлу: криминализовав своего чудовищного героя, он оставил зрителям возможность альтернативного объяснения его преступлений, ведь чудовище оказалось в агрессивной среде, лишённое чьего-либо сочувствия. В отличие от Полиграфа Полиграфовича Шарикова, окруженного всеобщей заботой в исключительно комфортабельной профессорской квартире, творение Генри Франкенштейна обделено человеческим участием и уже по этой причине взывает к сочувствию. Состраданию зрителя к Монстру способствует и характер его создателя, также демонстрирующего признаки дегенерации, правда совсем иного сорта — интеллигентской, нервической. Генри страдает истерическими припадками и одержим маниакальными идеями, что с евгенической точки зрения неминуемо должно было квалифицироваться современными ему психиатрами-евгенистами как конституционная слабость.

Две фантастические истории, русскую и американскую, объединяет футуроскепсис. В самом деле, каковы перспективы развития Шарикова? Он, судя по всему, безнадежен. Прогноз сформулирован профессором Преображенским однозначно: никому не удастся сделать из него человека. Опытный врач и знаток человеческих типов не верит в исправление преступника! Исходная концепция, лежащая в основе логики профессора, — это биодетерминизм, согласно которому будущее человека предопределено его врожденными качествами. Иными словами, рожденный монстром будет жить как монстр. Но следует ли оставлять ему жизнь? Поначалу профессор не допускает и мысли о насилии над новым существом, видимо, все еще надеясь на «исправительные меры». Однако оказывается, что в сравнении с Шариковым даже такой естественный хам, как Швондер, оказывается меньшим из двух зол. Чудовище — это идеальный эвристический и познавательный механизм, как показало монстроведение, особая область культуральных исследований (см.: [Головачева 2019]). Дискурс чудовищного выбран Булгаковым и Уэйлом не только потому, что «самые занимательные люди — это чудовища» [Weinstock 2014: 1], а потому, что «тело монстра — это тело культуры» [Cohen 1997: 4]. Монстры Булгакова и Уэйла предоставили авторам богатые возможности комментария к одной из доминирующих идей эпохи, согласно которой биология, антропология и медицина в теории смогут создать кардинально иного человека. Отправной точкой в обоих текстах является корпоральность, новая антропология невиданных гуманоидов, «чужих», таящих двойную опасность — внешнюю (событийную) и внутреннюю (генетическую). Такого рода чудовища свидетельствуют о специфических страхах и доминирующих вызовах эпохи 1920-х годов, отмеченной евгеническими баталиями на полях биологии, медицины, педагогики, социологии, судебной психиатрии и пр. Рассмотренные нами трансплантологические сюжеты показали, что концепция «дегенеративного преступного мозга» не в последнюю очередь предопределила телесность и поведение героев-чудовищ.

Наряду со сходством этих двух произведений отметим и различия, предопределенные отнюдь не только спецификой литературы и кино как несхожих видов искусства. Разумеется, сенсационная изобразительность картины гарантировала несравнимо большую популярность ленты о Чудовище Франкен-

штейна 1931 года выпуска по сравнению с историей о превращении собаки в человеческую особь и обратно, придуманной Булгаковым. Но главное: неопубликованная повесть «Собачье сердце» оставалась неизвестной той самой аудитории, для которой была предназначена, то есть читателям-современникам, хотя бы в некоторой степени причастным к идеологии «нового человека» и/или осведомленным об актуальных биологических и медицинских теориях и практиках, бытовавших в молодой республике. Широкого читателя повесть обрела много десятилетий спустя. Отложенное знакомство с текстом Булгакова осложнило прочтение содержащихся в нем конкретных аллюзий, целого ряда базисных нарративов эпохи 1920-х годов, а также противоречивого образа профессора-евгениста, совмещающего мечты о новом совершенном человеке со скепсисом по отношению к полученным, равно как и возможным, результатам. Не случайно и то, что Преображенский приходит к осознанию преждевременности и даже бессмысленности подобных экспериментов, что и делает «Собачье сердце» острополюемическим текстом для взыскательного читателя.

Более прямолинейный подход создателей классического кинообраза Монстра в ленте «Франкенштейн» обусловлен отнюдь не только жанром кинохоррора и стремлением авторов к успеху на кинорынке, но и тем контекстом, в котором была задумана и осуществлена постановка. В отличие от РСФСР, где радикальные евгенические идеи не получили никакого практического применения, в США более чем в половине штатов начиная с 1907 года были приняты законы, предписывающие насильственную стерилизацию определенных категорий неудобных обществу «дисгенетических» граждан, в их число попали и преступники. Под влиянием Великой депрессии, начавшейся в 1929 году, и без того популярная евгеническая риторика еще больше укрепилась, и это обстоятельство не в последнюю очередь обеспечило прозрачность идеологической посылки создателей кинообраза нового «чудовищного» человека-дегенерата.

И тем не менее при всех различиях между «Франкенштейном» и «Собачьим сердцем» то, как оба автора обошлись с центральными персонажами — устранив собакочеловека и сборного кадавра, — могло прочитываться современниками как необходимая защитная (евгеническая) мера, как метафора охраны границ человеческого от угрожающего чужого, обнаруживаемого, впрочем, в самом человеке.

Библиография / References

- [Бабков 2008] — *Бабков В.В.* Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
- (*Babkov V.V.* Zarya genetiki cheloveka. Russkoe evgenicheskoe dvizhenie i nachalo genetiki cheloveka. Moscow, 2008.)
- [Бехтерев 1908] — *Бехтерев В.М.* Вопросы вырождения и борьба с ним // Обзорение психиатрии и неврологии. 1908. Т. 9. С. 518—521.
- (*Bekhterev V.M.* Voprosy vyrozhdeniya i bor'ba s nim // Obozrenie psikiatrii i nevrologii. 1908. Vol. 9. P. 518—521.)
- [Булгаков 1989] — *Булгаков М.А.* Собачье сердце // Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 119—210.

- (*Bulgakov M.A. Sobach'e serdtse // Bulgakov M.A. Sbranie sochineniy. In 5 vols. Vol. 2. Moscow, 1989. P. 119—210.*)
- [Бунак 1927] — *Бунак В.В.* Антропологическое изучение преступника, его современное положение и задачи // *Архив криминологии и судебной медицины: В 5 кн. Харьков, 1927. Кн. 2—3. С. 535—569.*
- (*Bunak V.V. Antropologicheskoe izuchenie prestupnika, ego sovremennoe polozhenie i zadachi // Arkhiv kriminologii i sudebnoy meditsiny. Kharkiv, 1927. Vks. 2—3. P. 535—569.*)
- [Бухарин 1989] — *Бухарин Н.* Проблемы теории и практики социализма. М.: Изд-во политической литературы, 1989.
- (*Bukharin N. Problemy teorii i praktiki sotsializma. Moscow, 1989.*)
- [Виленский 2005] — *Виленский Ю.Г.* Доктор Булгаков. Киев: Здоров'я, 2005.
- (*Vilenskiy Yu.G. Doktor Bulgakov. Kiev, 2005.*)
- [Волоцкой 1923] — *Волоцкой М.* Поднятие жизненных сил расы (Новый путь). М.: Жизнь и знание, 1923.
- (*Volotskoy M. Podnyatie zhiznennykh sil rasy (Novyy put'). Moscow, 1923.*)
- [Головачева 2019] — *Головачева И.* Джефри Козн и все-все-все: обзор современной монстрологии // *Новое литературное обозрение. 2019. № 155. С. 353—362.*
- (*Golovacheva I. Dzhefri Koen i vse-vse-vse: obzor sovremennoy monstrologii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 155. P. 353—362.*)
- [Дриль 1882] — *Дриль Д.А.* Преступный человек // *Юридический вестник. 1882. № 11. С. 401—422; № 12. С. 483—550.*
- (*Dril' D.A. Prestupnyy chelovek // Yuridicheskiy vestnik. 1882. № 11. P. 401—422; № 12. P. 483—550.*)
- [Иванов, Ильина 1991] — *Иванов Л.О., Ильина Л.В.* Пути и судьбы отечественной криминологии. М.: Наука, 1991 (<http://scienceoflaw.ru/books/item/fo0/s00/z0000012/sto16.shtml> (дата обращения: 25.05.2022)).
- (*Ivanov L.O., Il'ina L.V. Puti i sud'by otechestvennoy kriminologii. Moscow, 1991 (<http://scienceoflaw.ru/books/item/fo0/s00/z0000012/sto16.shtml> (accessed: 25.05.2022)).*)
- [Ковалевский 1881] — *Ковалевский П.И.* Судебно-психиатрические анализы: Составлены для медиков и юристов: В 2 т. 2-е изд. Т. 1. Харьков: Тип. М.Ф. Зильберберга, 1881.
- (*Kovalevskiy P.I. Sudebno-psikhiatricheskie analizy: Sostavleny dlya medikov i yuristov. 2nd ed. Vol. 1. Kharkiv, 1881.*)
- [Ковалевский 1894] — *Ковалевский П.И.* Нервные болезни нашего общества. Харьков: Тип. М.Ф. Зильберберга, 1894.
- (*Kovalevskiy P.I. Nervnye bolezni nashego obshchestva. Kharkiv, 1894.*)
- [Ковалевский 1903] — *Ковалевский П.И.* Вырождение и возрождение. Преступник и борьба с преступностью. 2-е изд. СПб.: Тип. М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, 1903.
- (*Kovalevskiy P.I. Vyrozhdenie i vozrozhdenie. Prestupnik i bor'ba s prestupnost'yu. 2nd ed. Saint Petersburg, 1903.*)
- [Кольцов 1916а] — *Кольцов Н.К.* Алкоголизм и наследственность // *Природа. 1916. № 4. С. 502—505.*
- (*Kol'tsov N.K. Alkogolizm i nasledstvennost' // Priroda. 1916. № 4. P. 502—505.*)
- [Кольцов 1916б] — *Кольцов Н.К.* К вопросу о наследовании последствий алкоголизма // *Природа. 1916. № 10. С. 1189.*
- (*Kol'tsov N.K. K voprosu o nasledovanii posledstviy alkogolizma // Priroda. 1916. № 10. P. 1189.*)
- [Краснушкин 1924] — *Краснушкин Е.К.* Криминальные психопаты современности и борьба с ними // *Преступный мир Москвы. М.: Право и жизнь, 1924. С. 192—197.*
- (*Krasnushkin E.K. Kriminal'nye psikhopatyy sovremennosti i bor'ba s nimi // Prestupnyy mir Moskvy. Moscow, 1924. P. 192—197.*)
- [Краснушкин 1926] — *Краснушкин Е.К.* Что такое преступник? // *Преступник и преступность / Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности. М.: Мосздравотдел., 1926—1927: В 2 вып. Вып. 1. С. 6—33.*
- (*Krasnushkin E.K. Chto takoe prestupnik? // Prestupnik i prestupnost'. Moscow, 1926—1927. Iss 1. P. 6—33.*)
- [Крюков 1925] — *Крюков А.И.* О дегенерации черепа у самоубийц // *Судебно-медицинская экспертиза. Вып. 1 / Под ред. Я. Лейбовича. М.: Изд-во Наркомздрава, 1925. С. 18—23.*
- (*Kryukov A.I. O degeneratsii cherepa u samoubiyts // Sudebno-meditsinskaya ekspertiza. Iss. 1 / Ed. Ya. Leybovich. Moscow, 1925. P. 18—23.*)
- [Ляхманн 2009] — *Ляхманн Р.* Дискурсы фантастического / Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- (*Lachmann R. Erzählte Phantastik: Zu Phantasiegeschichte und Semantik fantastischer Texte, Moscow, 2009. — In Russ.*)
- [Лихтенштейн 2009] — *Лихтенштейн И.С.* Доктор Михаил Афанасьевич Булгаков // *Лихтенштейн И.С.* Этюды о литературе. Глазами врача. Хайфа: JKDesign, 2009. С. 88—109.
- (*Likhtenshteyn I.S. Doktor Mikhail Afanas'evich Bulgakov // Likhtenshteyn I.S. Etyudy o literature. Glazami vracha. Haifa, 2009. P. 88—109.*)

- [Люблинский 1912] — *Люблинский П.И.* Новая мера борьбы с вырождением и преступностью // Русская мысль. 1912. № 3. С. 31—56.
- (*Lyublinskii P.I.* Novaya mera bor'by s vyrozhdeniem i prestupnost'yu // Russkaya mysl'. 1912. № 3. P. 31—56.)
- [МакРейнольдс 2017] — *МакРейнольдс Л. П.И.* Ковалевский: Уголовная антропология и русский национализм / Пер. с англ. Нины Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2017. № 144. С. 360—382.
- (*McReynolds L. P.I.* Kovalevskii: Criminal Anthropology and Great Russian Nationalism // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 144. P. 360—382. — In Russ.)
- [Могильнер 2017] — *Могильнер М.* Природный преступник в империи: атавизм, пережитки, бессознательные инстинкты и судьбы российской имперской модерности / Пер. с англ. Н. Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2017. № 144. С. 318—341.
- (*Mogilner M.* The Empire-Born Criminal: Atavism, Survivals, Irrational Instincts, and the Fate of Russian Imperial Modernity // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 144. P. 318—341. — In Russ.)
- [Николози 2017] — *Николози Р.* Преступный тип, Ломброзо и русская литература. Нарративные модели изображения врожденной преступности и атавизма в Российской империи 1880—1900 годов // Новое литературное обозрение. 2017. № 144. С. 360—382.
- (*Nikolosi R.* Prestupnyy tip, Lombroso i russkaya literatura. Narrativnye modeli izobrazheniya vrozhdennoy prestupnosti i atavizma v Rossiyskoy imperii 1880—1900 godov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 144. P. 360—382.)
- [Николози 2019] — *Николози Р.* Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- (*Nicolosi R.* Degeneration Erzählen: Literatur und Psychiatrie im Russland der 1880er und 1890er Jahre. Moscow, 2019. — In Russ.)
- [Осипов 1925] — *Осипов В.П.* К вопросу о мерах психического оздоровления потомков // Русский евгенический журнал Н.К. Кольцова. 1925. Т. III. Вып. 1. С. 37—44.
- (*Osipov V.P.* K voprosu o merakh psikhicheskogo ozdorovleniya potomkov // Russkiy evgenicheskiy zhurnal N.K. Kol'tsova. 1925. Vol. III. Iss. 1. P. 37—44.)
- [Преображенский 1912] — *Преображенский С.А.* Хирургическая профилактика вырождения // Современная психиатрия. 1912. № 2. С. 110—117.
- (*Preobrazhenskii S.A.* Khirurgicheskaya profilaktika vyrozhdeniya // Sovremennaya psikhiatriya. 1912. № 2. P. 110—117.)
- [Сажин 1908] — *Сажин И.В.* Наследственность и спиртные напитки. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1908.
- (*Sazhin I.V.* Nasledstvennost' i spiritnye napitki. Saint Petersburg, 1908.)
- [Словцов 1923] — *Словцов Б.И.* Улучшение расы. (Евгеника). Пг.: Академическое издательство, 1923.
- (*Slotstov B.I.* Uluchshenie rasy. (Evgenika). Petrograd, 1923.)
- [Троцкий 1923] — *Троцкий Л.* Литература и революция. М.: Красная новь, 1923.
- (*Trotsky L.* Literatura i revolyutsiya. Moscow, 1923.)
- [Укше 1915] — *Укше С.* Вырождение, его роль в преступности и меры борьбы с ним // Вестник общественной гигиены. 1915. Т. 6. С. 798—816.
- (*Ukshes S.* Vyrozhdenie, ego rol' v prestupnosti i mery bor'by s nim // Vestnik obshchestvennoy gigieny. 1915. Vol. 6. P. 798—816.)
- [Филипченко 1924] — *Филипченко Ю.* Пути улучшения человеческого рода (Евгеника). Л.: Гос. изд-во, 1924.
- (*Filipchenko Yu.* Puti uluchsheniya chelovecheskogo roda (Evgenika). Leningrad, 1924.)
- [Филипченко 1925] — *Филипченко Ю.* Интеллигенция и таланты // Известия Бюро по евгенике. 1925. Т. 7. С. 83—96.
- (*Filipchenko Yu.* Intelligentsiya i talanty // Izvestiya Byuro po evgenike. 1925. Vol. 7. P. 83—96.)
- [Чиж 1890] — *Чиж В.Ф.* Лекции по судебной психологии. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890.
- (*Chizh V.F.* Lektzii po sudebnoy psikhologii. Saint Petersburg, Kiev, 1890.)
- [Чиж 1893] — *Чиж В.Ф.* К учению об органической преступности // АП. 1893. Т. 16. № 1. С. 137—176.
- (*Chizh V.F.* K ucheniyu ob organicheskoy prestupnosti // AP. 1893. Vol. 16. № 1. P. 137—176.)
- [Чиж 1894] — *Чиж В.Ф.* Преступный человек перед судом врачебной науки // Неврологический вестник. 1894. Т. 2. № 1. Приложение. С. 1—41.
- (*Chizh V.F.* Prestupnyy chelovek pered sudom vrachebnoy nauki // Nevrologicheskiy vestnik. 1894. Vol. 2. № 1. Prilozhenie. P. 1—41.)
- [Чиж 1895] — *Чиж В.Ф.* Криминальная антропология. Одесса: Изд-во Исаковича, 1895.
- (*Chizh V.F.* Kriminal'naya antropologiya. Odessa, 1895.)
- [Чиж 1902] — *Чиж В.Ф.* Учебник психиатрии. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902.

- [Chizh V.F. Uchebnik psikiatrii. Yur'ev, 1902.)
[Чиж 1911] — Чиж В.Ф. Учебник психиатрии. СПб.; Киев: Сотрудник, 2011.
- [Chizh V.F. Uchebnik psikiatrii. Saint Peterburg, Kiev, 1902.
- [Яблоков 2010] — Яблоков Е. Беспокойное «Собаچه сердце», или Горькие плоды легкого чтения // Октябрь. 2010. № 3. (<https://magazines.gorky.media/october/2010/3/bespokojnoe-sobache-serdcze-ili-gorkie-plody-legkogo-chteniya.html> (дата обращения: 01.10.2019)).
- (Yablokov E. Bespokojnoe "Sobach'e serdtse", ili Gor'kie plody legkogo chteniya // Oktyabr'. 2010. № 3 (<https://magazines.gorky.media/october/2010/3/bespokojnoe-sobache-serdcze-ili-gorkie-plody-legkogo-chteniya.html> (accessed: 01.10.2019)).)
- [Яблоков 2014] — Яблоков Е.А. О пользе чтения изучаемых текстов: на примере повести М.А. Булгакова «Собаچه сердце» // Наука и школа. 2014. № 5. С. 186—192.
- (Yablokov E.A. O pol'ze chteniya izuchaemykh tekstov: na primere povesti M.A. Bulgakova "Sobach'e serdtse" // Nauka i shkola. 2014. № 5. P. 186—192.)
- [Adams 1990] — Adams M. The Soviet Nature-Nurture Debate // Science and the Soviet Social Order / Ed. L. Graham. Cambridge, Mass., 1990.
- [Botting 1991] — Botting F. Making Monstrous: Frankenstein, Criticism, Theory. Manchester: Manchester University Press, 1991.
- [Burgin 1978] — Burgin D. Bulgakov's Early Tragedy of the Scientist-Creator: An Interpretation of Heart of a Dog // Slavic and East European Journal. 1978. Vol. 22. № 4. P. 495—508.
- [Cohen 1997] — Cohen J. Monster Culture (Seven Theses) // Monster Theory: Reading Culture / Ed. J.J. Cohen. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 3—25.
- [Davenport 1928] — Davenport Ch. Crime, Heredity and Environment // Journal of Heredity. 1928. Vol. 19. № 7. July. P. 307—313.
- [Ellis 1890] — Ellis H. The Criminal. New York: Scribner & Welford, 1890.
- [Lederer 2002] — Frankenstein. Penetrating the Secrets of Nature. An Exhibition by the National Library of Medicine / Ed. by E.S. Lederer. New Brunswick: Rutgers University Press, 2002.
- [Gould 1981] — Gould St. The Mismeasure of Man. New York: W.W. Norton, 1981.
- [Grant 1994] — Grant M. James Whale's Frankenstein: The Horror Film and the Symbolic Biology of the Cinematic Monster // Frankenstein: Creation and Monstrosity / Ed. S. Bann. London: Reaktion Books, 1994. P. 113—135.
- [Heffernan 1997] — Heffernan J. Looking at the Monster: Frankenstein and Film // Critical Inquiry. 1997. Vol. 24. № 1. P. 133—158.
- [Howell 2006] — Howell Y. Eugenics, Rejuvenation, and Bulgakov's Journey into the Heart of Dogness // Slavic Review. 2006. Vol. 65. № 3. P. 544—562.
- [Krementsov 2014] — Kremmentsov N. Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- [Krementsov 2015] — Kremmentsov N. The Strength of a Loosely Defined Movement: Eugenics and Medicine in Imperial Russia // Medical History. 2015. № 59/1. P. 6—31.
- [Krementsov 2018] — Kremmentsov N. With and Without Galton: Vasilii Florinskii and the Fate of Eugenics in Russia. Open Book Publishers, 2018.
- [Manguel 1997] — Manguel A. Bride of Frankenstein. London: British Film Institute, 1997.
- [Mulvey-Roberts 2018] — Mulvey-Roberts M. Monstrous Dissections and Surgery as Performance: Gender, Race and the Bride of Frankenstein // Global Frankenstein / Ed. by C.M. Davison, M. Mulvey-Roberts. Palgrave Macmillan, 2018. P. 53—71.
- [Picart 1998] — Picart C. Re-birthing the monstrous: James Whale's (Mis)reading of Mary Shelley's Frankenstein // Critical Studies in Mass Communication. 1998. Vol. 15. Iss. 4. P. 382—404.
- [Rafter, Brown 2011] — Rafter N., Brown M. Criminology Goes to the Movies: Crime Theory and Popular Culture. New York: New York University Press, 2011.
- [Rafter et al. 2016] — Rafter N., Posick Ch., Roque M. The Criminal Brain: Understanding Biological Theories of Crime. 2nd ed. New York: New York University Press, 2016.
- [Scal 2000] — Scal D. The 1931 Film Makes Frankenstein a Cultural Icon // Readings on Frankenstein / Ed. by D. Nardo. San Diego (CA): Greenhaven Press, 2000. P. 129—137.
- [Vidal 2016] — Vidal F. Frankenstein's Brain: "The Final Touch" // SubStance. 2016. Vol. 45. № 2. Iss. 140. P. 88—117.
- [Smith 2011] — Smith A. Hideous Progeny: Disability, Eugenics, and Classic Horror Cinema. New York: Columbia University Press, 2011.
- [Weinstock 2014] — Weinstock J. Introduction: Monsters are the Most Interesting People // The Ashgate Encyclopedia of Literary and Cinematic Monsters / Ed. by J.A. Weinstock. Burlington, VT: Ashgate, 2014. P. 1—7.
- [Wood 2018] — Wood R. An Introduction into the American Horror Film // Robin Wood on the Horror Film: Collected Essays and Reviews. Detroit (Michigan): Wayne State University Press, 2018.